

ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ

PROBLEMS OF TRUTH IN PHILOSOPHY

G. Koroleva- Konoplyanaya

Summary: The problem of the search for truth continues to be relevant for each of the sciences, individuals and within the framework of philosophy. The ambiguity of the concept of truth and the variety of approaches make it necessary to study the problem of truth in philosophy, both in its historical and ontological aspects.

The article discusses the main approaches to the essence of truth and the problems arising in its comprehension. An attempt is made to show that the most significant are the recognition of not only the objective, but also the subjective nature of truth in philosophy. Special importance is attached to existential truth, which most shows the immanence of truth, the complexity in its transmission and personal character. The article also emphasizes the importance of understanding the truth not only as a reflection of objectively existing reality, but as a creative act of cognition, which creates a new reality of a subjective nature.

Keywords: truth, the concept of truth, theories of truth, objective cognition, existential experience.

Королева-Конопляная Галина Иосифовна

доктор политических наук, профессор
Московский экономический институт, г. Москва
koroleva-1944@mail.ru

Аннотация: Проблема поиска истины продолжает оставаться актуальной для каждой из наук, отдельных людей и в рамках философии. Многозначность самого понятия истины и многообразие подходов делают необходимым изучение проблемы истины в философии, как в её историческом, так и онтологическом аспекте.

В статье рассматриваются основные подходы к сущности истины и проблемам, возникающим при её постижении. Предпринимается попытка показать, что наиболее значимым является признание не только объективного, но и субъективного характера истины в философии. Особое значение при этом придаётся экзистенциальной истине, которая в наибольшей степени показывает имманентность истины, сложность в её передаче и личностный характер. Также в статье подчёркивается важность понимания истины не только как отражения объективно существующей реальности, но как творческого акта познания, которым создаётся новая реальность, пускай и носящая субъективный характер.

Ключевые слова: истина, понятие истины, теории истины, объективное познание, экзистенциальный опыт.

Понятие истины является центральным для всех наук, как гуманитарных, так и естественно-научных. Одновременно с этим сохраняется сложность в определении истины как философского понятия. Утверждение об истинности некоего знания продолжает быть тесно связано с представлением о его объективности, то есть соответствия определённой реальности. Однако в философии невозможно отрицать значимость личностного момента в раскрытии истины, что приводит нас к необходимости учитывать возможность существования её субъективных аспектов.

Философское знание, в отличие от частных наук, не может восприниматься как нечто обязательное и всеобщее. Истину в философии невозможно свести лишь к отражению материальной реальности. Ведь каждый из мыслителей является не только исследователем истины, но и в определённом смысле её творцом. Соответственно, целью данной работы является попытка рассмотрения проблемы поиска истины в философии, отражающего не только объективный, но и субъективный характер истинности философского знания.

Начиная с Античности, возможно говорить о выявлении проблем в возможности достижения объективной истины. В рамках софистического подхода фактически была выявлена взаимосвязь между истиной и теми целями, которые стоят перед познающим субъектом. Такой подход, однако, подвергся критике, наиболее остро в

рамках философии Сократа, который стремился придать объективный характер не только знаниям о материи, но и ценностным идеалам.

Античные мыслители также задались вопросом о том, что в принципе можно считать истиной, достойной того, чтобы её познавать. При этом эмпирически познаваемая реальность не всегда соотносилась с истиной. По мнению Платона, объективным характером могла обладать истина, которая относилась к миру идей (эйдосов), а материальный мир являлся лишь несовершенным отражением этой высшей реальности [4, с. 198]. Такой подход подвергся критике со стороны Аристотеля, который считал возможным говорить об истине именно при познании материального мира. При этом случайное знание Аристотель считал необходимым отличать от эпистемологического, позволяющего выявить общие закономерности в отдельных объектах познания. Именно к философии Аристотеля можно отнести стремление отождествить онтологическое и гносеологическое содержание истины [12, с. 48].

Можно говорить о зарождении в античную эпоху и конвенциональной теории истины. Представители стоической философии делали акцент на необходимости совпадения собственного знания с позицией иных людей. В рамках философии скептицизма было сформулировано мнение о принципиальной невозможности познания объективной истины.

Представление об истине всегда носило социально обусловленный характер, могло быть тесно связано с господствующими в обществе религиозными представлениями. Для средневековой схоластики было характерно наряду с разумом и эмпирическим опытом опираться при поиске истины на божественное откровение. Фома Аквинский утверждал, что истинное и ложное существует не в вещах, а в разуме, что каждая вещь может быть названа истинной соразмерно соразмерно ее отношению к разуму, от которого она зависит. При таком подходе неизбежным становилось представление о существовании истины, которую человек не может рационально познать, но которую ему необходимо принять с помощью веры.

Говорить о возрастании субъективного начала в понимании истины можно в эпоху Возрождения. Именно в этот период философия становится максимально антропоцентричной. Хотя объективная истина и является отражением реальности, существующей вне человеческого разума, но само знание является результатом деятельности человека. Это означало признание человека как творца истины. При этом субъективное начало не отменяло объективный характер самих знаний.

Разрешить вопрос о сочетании объективности и субъективности истины пытался И. Кант. Он признавал, что в метафизической философии невозможно говорить об объективной истине, так как, опираясь лишь на опыт и его рациональное осмысление, мы не можем говорить о реальности не только идеи Бога, но и, например, концепции свободы [7, с. 50].

Г. Гегель указывал на то, что познание субъективных истин может привести к восхождению человеческого разума к познанию абсолютной идеи, которую также можно назвать и абсолютной истиной. Гегель также задавался вопросом не только о том, что мы можем считать истиной, с точки зрения философии, но и какую философию мы можем признать истиной. При этом критерием в данном случае выступало соответствие самой трактовке философии как любви к мудрости. То есть, философия признавалась истинной, только в том случае если её цель состояла в как можно более полном раскрытии истины [1, с. 84].

В рамках прагматического подхода предлагалось сосредоточиться не на вопросе о возможности объективного познания, а на приносимой этим знанием пользе. [6, с. 163]. Впрочем, представления о полезном и вредном также могут иметь субъективный характер.

Таким образом, анализируя развитие философских концепций на протяжении многих сотен лет, мы неизбежно приходим к выводу о том, что возможность признания существования единой и объективной истины в философии

возможно только в ситуации абсолютного единomyслия всех философов. Понятно, что подобная ситуация, даже если допустить её теоретическую возможность, означала бы прекращение существования философии как процесса непрерывного творческого поиска.

Альтернативой этому может быть только признание важности субъективного начала в представлениях об истине в философии. При этом необходимо отказаться от стереотипных представлений о том, что эта субъективность каким-либо образом принижает философию, ставит под вопрос её значимость для человечества.

Хотя проблему истины можно рассматривать как одну из многих философских проблем, всё же стоит указать на её особую значимость. Данную проблему можно рассматривать как имманентную по отношению к философскому знанию. Однако одновременно она и трансцендентна по отношению к нему, так как помещает философию в определённый хронологический и культурный контекст [5, с. 89].

Говоря о возможности нахождения истины в рамках философии, необходимо учитывать, что постановка данного вопроса зависит от многих дополнительных факторов. Объективность истины зависит от того, признаём ли мы в принципе существование объективной реальности как таковой. Не так уж трудно указать на философские направления (солипсизм), где подобное утверждение вовсе не принимается за аксиому [9, с. 58]. Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, насколько мы даже при признании объективности существования окружающей реальности, способны её адекватно познать – агностицизм также имеет собственную традицию в истории философии. Консенсус по вопросу о возможности познания истины не способен обеспечить согласие по поводу её конкретных критериев и наилучших методов познания.

Субъективный характер философского поиска проявляется уже в том, что, как и любая деятельность человека, философия направлена на воплощение в жизнь определённых интересов отдельных людей или даже достаточно больших групп. Эта субъективность продолжает зачастую и сегодня восприниматься исключительно как препятствие на пути объективного познания истины.

Однако в данном случае считаем необходимым согласиться с мнением И.Б. Лимонова, который предлагал выделять различные аспекты в субъективности философской истины [10, с. 14]. Негативным можно признать неизбежное при субъективном подходе искажение объективной картины существующего мира. Однако можно говорить и о позитивной субъективности истины в рамках философии. Эта субъективность позволяет философам выступать не только в качестве своеобразного отра-

жателя реальности, а творчески преображать её, видеть в материи и общественных отношениях, нечто выходящее за рамки их имманентности.

При этом и в частных науках можно говорить о том, что отказ от стремления к однозначности истины может не только не замедлять прогресс в познании, но, наоборот, способствовать прорывам в понимании закономерностей окружающего мира. Классическим примером можно считать в данном случае проблему корпускулярно-волнового дуализма. На протяжении нескольких столетий по умолчанию предполагалось, что ответ о том, чем же является свет, должен быть однозначным. Либо это поток частиц, либо волна. Отказ от такой упрощённой трактовки понимания истины позволил достигнуть немалого прогресса в физике, способствовал развитию квантовой механики.

Но даже и в классической механике нельзя забывать о субъективности истины. Движение по своей природе является относительным. Говоря о движении некоего тела, нам всегда необходимо уточнять, что это происходит в определённой системе отсчёта. Таким образом, одно и то же дело в один момент времени может быть признано и движущимся и покоящимся.

Если говорить о субъективности, как искажении истины, то необходимо признать, что эта проблема обусловлена, что при любом процессе познания люди воспринимают информацию с учётом имеющегося у них опыта. Причём речь идёт не только о специфических навыках или багаже знаний. Аксиологические предпочтения людей вполне могут заставить их отказываться воспринимать информацию, которые не соответствует их системе ценностей. Эти особенности восприятия были выделены уже Ф. Бэконом, который именовал их «идолами» человеческого познания. Преодоление подобных идолов, по мнению Бэкона, было возможно с помощью экспериментального подхода. [8, с. 76]. В наибольшей степени такая субъективность воспринимается отрицательно в рамках научного подхода к изучению реальности. Однако и в науке отправной точкой продолжает оставаться индивидуальное знание.

Необходимо также учитывать, что никто не способен полностью получить знания самостоятельно. Большая часть знаний, которые мы оцениваем как истинные, приобретаются нами в процессе усвоения мыслей других людей. При этом непосредственно мысль мы познать не можем, она открывается нам через определённую знаковую систему. Представленная в этом виде истина может казаться полностью одинаковой и объективной для всех воспринимающих, но акт её познания продолжает оставаться глубоко индивидуальным.

Понимание чужой мысли предполагает необходи-

мость собственного мыслительного процесса. При этом его результаты вполне могут быть различны. Исходя из того, что в сознании людей неизбежно присутствует этот субъективно-личностный компонент, мы неизбежно приходим и к субъективному характеру познаваемой истины. Необходимо признать, что эта субъективность создаёт проблемы при выявлении объективных характеристик окружающей действительности. Процесс обмена информацией также сталкивается с препятствием. Необходимо в данном случае различать истину от информации. Процесс передачи второй может быть объективен, в современных условиях может даже не требовать участия человека. Однако познание истины всегда зависит от личности познающего. В дальнейшем подобные расхождения в оценке истинности определённых сведений могут служить причиной разобщённости людей, приводить к многочисленным конфликтам.

Речь может идти о двойственном восприятии отдельных событий в политической сфере. Так в конце 1990-х гг. конфликт в Косово традиционно описывался в СМИ США и стран Западной Европы как попытка югославского правительства воспрепятствовать праву косовских албанцев на национальное самоопределение. В общественном мнении России преобладало восприятие данного конфликта как стремление НАТО ускорить окончательный распад Югославии, ненависть к сербскому народу.

Однако сложность интерпретации фактов встречается и в политологических теориях. В конце XX – начале XXI вв. исследователи анализировали одни и те же изменения в глобальной политической системе, связанные с распадом СССР. При этом Ф. Фукуяма приходил к выводу о том, что в мире исчезли предпосылки для глобальных конфликтов по идеологическому признаку. Человечество создало истинность либерализма и демократии. Соответственно, можно говорить о своего рода «конце истории», движении всех стран и народов по одному пути и в тесном сотрудничестве.

Однако С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» указывал на то, что современные международные отношения будут развиваться именно как череда конфликтов на цивилизационной основе, вызванных невозможностью сгладить отличия в области культуры, религии, мировоззрения.

Здесь мы вновь можем отметить необходимость отказа от одностороннего понимания истины. Политическая реальность может оказаться сложнее теоретических построений. На практике и Ф. Фукуяма, и С. Хантингтон отмечали существование реальных тенденций в области международных отношений. Однако во многом игнорировали то, что не вписывалось в рамки представлений об истине в их концепциях.

У абсолютизации истины также могут быть свои недостатки. Этот тезис с осторожностью стоит относить к отдельным наукам, хотя и в них сомнение в истинности любого положения может послужить стимулом для прогресса. Более того, можно указать на мыслителей, например Т. Куна, которые полагали, что принятие новых теорий, происходящее в ходе научных революций, фактически означает отказ от истинности прежних положений науки, признание их ошибочности [2, с. 7]. Истина является не столько отражением объективного мира, а скорее просто указывает нам на существование «отношения сознания и мира» [3, с. 183].

Но в большей мере необходимость отказа от абсолютизации истины относится именно к истине в философии. В ней попытка извлечь истину от любого намёка на субъективность может привести лишь к обеднению картины мира. Индивидуальный опыт философа, являющийся результатом его познания, всегда будет богаче, чем содержащиеся в нём общие компоненты знаний.

При этом неизбежно встаёт вопрос о том, можно ли вообще применять термин истина в отношении индивидуального личностного опыта? Можно предположить, что нам необходимо отказаться от того, чтобы подобное знание считалось чем-то второстепенным по сравнению с объективной истиной. Это познание всегда является не только познающим, но и творческим началом и в этом смысле не столько открывает, сколько творит истину. Эта истина не всегда выражается с помощью языка науки или вообще рационального, она может находить воплощение в религиозных учениях, художественных образах.

Истина может предстать перед нами в различных формах. Их классификация может быть различной, но любая указывает на определённые гносеологические проблемы. Уже само существование таких понятий как религиозная истина, нравственная или экзистенциальная истина говорит о высокой значимости субъективного начала [11, с. 58]. Такой подход требует отказа от сциентистских иллюзий о том, что наука может дать однозначные ответы на все вопросы. Однако его нельзя рассматривать как повод для разочарования в науке или признание возможности опровергать научные постулаты только на основании индивидуальных предпочтений. Правильнее будет говорить о том, что наука не может претендовать на истину в тех сферах, которые непосредственно к ней не относятся.

Благодаря марксистской философии, к числу важнейших критериев истины принято относить практику. Вряд ли стоит отвергать этот критерий. Однако стоит указать, что его использование не означает признание за истинной абсолютной объективности. Субъективную истину также можно охарактеризовать как исполняющую практическую роль, то есть помогающую добиться решения

определённых задач, оставляя вопрос об объективности их оснований в качестве вторичного. Даже в том случае, когда наши представления о некоем объекте могут не совпадать с объективно существующей основой, сами эти знания не теряют обязательно своей значимости. То есть, большее значение в данном случае может играть уже не сам объект, а та истина, которой мы обладаем. Именно этот момент можно рассматривать как переход от объективной истины к субъективной. Между этими двумя истинами существует диалектическая взаимосвязь.

В наибольшей степени вышеизложенное относится к экзистенциальной истине открываемой каждому человеку в процессе его индивидуального существования. В данном случае стоит согласиться с М. Хайдеггером, который указывал на то, что путь познания истины неизбежно превращается в «постоянное блуждание». [15, с. 13]. Экзистенциальная истина хотя и может базироваться на основании рационального мышления, однако не меньшую значимость приобретает личностный компонент. Человек не столько познаёт, сколько «проживает» окружающий мир и себя в этом мире.

В наибольшей степени субъективность экзистенциальной истины проявляется в том, что мы не имеем инструментов, с помощью которых могли бы в полной мере передать её другим людям. Это знание в наибольшей степени носит имплицитный характер. Научный аппарат, традиционно используемый при рациональном познании, не может в полной мере быть применён к экзистенциальному опыту. Экзистенциальная истина важна не тем, насколько она может быть близка к объективной реальности, чьим отражением служит, а равно в той степени, насколько она способна передать мироощущение конкретного человека. Ещё одним базовым отличием экзистенциальной истины от совокупности рационально научных стоит признать её целостность, несводимость к набору отдельных фактов. Эта истина не даётся человеку как некая безальтернативная реальность, а во многом является результатом его свободного выбора.

Таким образом, можно констатировать, что проблема истины в рамках философии не имеет однозначного решения, о чём свидетельствует многообразие концепций и подходов к содержанию данного понятия и критериев истинности знания. Вряд ли можно рассчитывать, что любая из этих концепций будет признана безошибочной всеми мыслителями. Однако подобные разночтения не стоит трактовать как недостаток философии. Наоборот, признание субъективности истины как неотъемлемой черты философского знания указывает на её значимость, позволяет увидеть в философе не просто познающий субъект, но творца.

Диалектика относительной и абсолютной истины по-

казывает, что наше познание стремится к всестороннему охвату окружающего нас мира, двигаясь вперед, по-

стоянно разрешает противоречия, все полнее отражает объективную действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумницкий Г.Н. Истинная философия и истина в философии // Философия и общество. 2010. № 1. С. 84-97.
2. Ерахтин А.В. Истина в философии и научном познании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6.
3. Кимелев Ю.А. Теории истины // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2020. С. 182-190.
4. Колтунова Ю.В. Проблема истины в познании // Молодой ученый. 2018. № 12 (198). С. 197-199.
5. Копцева Н.П. Проблема истины в философском познании. Автореферат диссертации на соискание степени доктора философских наук. Иркутск, 2000. - 42 с.
6. Кочнев Р.Л. Теория истины в философии Фридриха Ницше // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 163-168.
7. Кузьмина Т.А. Истина знания и истина бытия // Философский журнал. 2009. С. 49-60.
8. Лебедев С.А. Природа научной истины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 1. С. 75-83.
9. Левин Г.Д. Критерии истины // Философия науки и техники. 2010. С. 58-73.
10. Лимонов И.Б. Проблема субъективности истины. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук. Иваново, 2004. – 32 с.
11. Нестерова О.Ю. Философские проблемы интерпретации истины // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 55-59.
12. Хазиев В.С. О понятии «Объективная истина» // Философия и общество. 2013. № 2. С. 47-64.
13. Хайдеггер М. О сущности истины // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 8-27.

© Королева-Копляная Галина Иосифовна (koroleva-1944@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

